

«по духу» была переднеазиатской и «ненордической». Однако величие Рима оказывается очень коротким и целиком приходится на легендарный период, не освещённый надёжными источниками: мы уже говорили об этом в связи с пониманием истории как регресса.

Совершенно беспочвенно следующее рассуждение: «но ламаизм осуществил в форме римской священнической касты своё вторжение и продолжил восточную политику вавилонян и египтян и этрусков» (Rosenberg 1934: 184). Такое можно утверждать лишь при полном незнании истории Тибета. В этой стране духовная власть одержала решительную победу над светской только в 845 г. н. э., современная же ламаистская церковь во главе с далай-ламами окончательно оформилась лишь в XVI в., когда Третий далай-лама сумел опереться на военную силу монголов. К этому времени католицизм давно уже сложился как законченная система. Да, между культурами папы и далай-ламы есть внешнее сходство, но даже если допустить тут прямое заимствование, оно могло идти лишь с Запада на Восток, ведь в Европе и мусульманских странах власть пап, имамов, шейхов сложилась куда раньше, чем ламаистская иерархия. На той же странице упоминается, что протестантский дух обновил этот католический, а по духу — «тибетско-этрасский мир». И это после всех надежд, которые немецкие мистики связывали с Тибетом!

IV.1.3. А. Н. Гумилёв

Гораздо чаще подретушированная «художественная правда» встречается у Л. Н. Гумилёва. Это замечено многими специалистами. Однако для Гумилёва редактирование фактов облегчалось тем, что по его тематике (история Востока, Китая и тем более кочевников) специалистов было мало, а в некоторых областях он и вовсе был первопроходцем. К тому же Гумилёву, сыну двух незауряднейших поэтов, явно был ближе художественный взгляд на прошлое, и в знаменитой статье «С точки зрения Клио» он специально задаётся вопросом: «На что опираться романисту?».

«Изучение источников требует специальной подготовки и специальных знаний, которых у литератора может не быть, да, пожалуй, и не должно быть. В таком случае он превратился бы в историка и перестал бы писать романы <...>. Эту работу должны выполнять историки-специалисты <...>, но, к сожалению, их исследования разбросаны в огромном количестве статей, а библиография — это тоже особая специальность, которая не облегчает, а, пожалуй, затрудняет работу литератора. Как быть? Я думаю, писатель должен иметь нечто вроде свода истории данной эпохи, где достоверное отделено от гипотетического и предположительного. То, что для историка венец работы, для писателя станет трамплином, с которого работа начинается» (Гумилёв 1977: 248).

И далее автор ссылается на пример «В. Шукшина, который работал над романом о Разине, имея на столе академический трёхтомник материалов по этой теме» (там же). Но ведь у В. М. Шукшина — именно роман, его художественный характер не скрыт от читателя, в нём практически нет ссылок. Гумилёв же подаёт свои произведения как *научные* исследования. Ссылки у него обильно рассыпаны по всем страницам, и неискущённый читатель без исторической подготовки не замечает, что это не те ссылки, что они отсылают не к первоисточникам, а к историографии, намеренно оставленной без серьёзного анализа, что все сведения — из третьих рук. А в таком случае только что приведённые слова можно считать только манифестом

научного дилетантизма. Этим и определяется смысл максимы Л. С. Клейна (1992: 231): «Л. Н. Гумилев — не естествоиспытатель. Он мифотворец. Причем лукавый мифотворец — рядящийся в халат естествоиспытателя». После всего сказанного это — не афоризм, а строгое определение места Л. Н. Гумилёва в науке.

Но для мифологического сознания неразличение художественного произведения и первоисточника естественно. И то и другое подпадает под определение: «где-то я это читал». С этой точки зрения лермонтовская «*Песня о купце Калашиникове*», о которой и шла речь в цитировавшейся статье, — такой же «источник», как послания Ивана Грозного или Лицевой летописный свод. Но что же в таком случае изучал Л. Н. Гумилёв: реальную историю России или представление о ней в сознании массового читателя своего времени — в духе таких пародий, как «*Всеобщая история в обработке “Сатирикона”*» или «*1066 and All That*»?

Ничего не меняет и замечание, что именно для XII и XIII вв. перед нами «чересполосица предположений и мнений, в которой факты тонут» (Гумилёв 1977: 248). В истории вообще нет бесспорных периодов, нет событий, вокруг которых не разворачивалась бы такая же «чересполосица предположений и мнений». И Наполеон под пером Л. Н. Толстого, Е. В. Тарле и К. Валишевского — это три разных Наполеона, и Ленин в советской, постсоветской и западной историографии — не один и тот же Ленин.

Удобнейшим способом мифологизации прошлого оказалось смешение разновременных фактов ради их лучшего истолкования. Так, о времени Религиозных войн во Франции говорится: «Любой пассионарий мог объявить себя дворянином, и число “феодалов” выросло колоссально. Это вызвало совершеннейшее броуновское движение, которое называется феодальной раздробленностью» (Гумилёв 1990: 97). Между тем феодальная раздробленность во Франции исчезает уже к концу XV века, анархия Религиозных войн (XVI век) — это явление уже другого порядка.

То же относится к картине истории США (в неприязни к стране «Жёлтого Дьявола» автор оказался един с преследовавшей его властью). Получается, что бизонов американцы истребили из баловства — «просто развлекались стрельбой», поскольку надеялись на безграничность ресурсов природы (: 199). Но собственное мясное хозяйство Дальнего Запада не выдержало конкуренции с другими штатами (да?).

«Пришлось перейти к земледелию. Тогда американцы стали самым богатым вывозящим хлеб народом, перебили конкуренцию наших русских южных помещиков, которые раньше через Одессу вывозили огромное количество хлеба. Американский хлеб — маис и пшеница — были настолько дешёвы в то время, что они били любую конкуренцию. Для того чтобы хоть как-то поддержать цены на них, правительство покупало этот хлеб по минимальным ценам и уничтожало его — хлеб топили в море или сжигали, для того чтобы не снизить цены и не разорить фермеров» (: 200).

Все факты правдивы, но остаётся вопрос: что такое «то время»? Если то самое, когда американцы «перебили конкуренцию наших русских южных помещиков», — то это конец XIX, начало XX века, в любом случае — время до 1917 года. Если же времена, когда топили печи пшеницей, то это уже Великая депрессия, 1929—1933 гг. Для новейшей истории это уже не одно и то же. Да и бизоны были истреблены не для развлечения и не от эйфории из-за несметных природных богатств. Их уничтожали специально и целенаправленно, чтобы подорвать экономическую базу индейцев прерий:

«В 1867 г., когда сэр У. Батлер стал извиняться перед полковником Р. Додже за то, что его группа убила во время охоты у форта Мак Ферсон 30 бизонов, Додже воскликнул: “Убивайте каждого бизона, которого вы сможете убить. Смерть каждого бизона — это исчезновение индейцев”. Полковник Додже повторял свой совет в 70-х годах XIX в. профессиональным охотникам на бизонов, на этот раз имея в виду стадо бизонов, зарезервированное за индейцами штата Техас, уже после того, как северные стада бизонов были истреблены. Когда законодательные власти Техаса подготовили закон о запрещении охоты на бизонов ради их шкур, генерал Фил Шеридан поспешил в Остин опротестовать принятие этого закона, говоря, что власти штата чуть не сделали сентиментальную ошибку — они должны быть благодарны белым охотникам и выделить достаточные фонды для награждения каждого бронзовой медалью с изображением мёртвого бизона, с одной стороны, и обескураженных индейцев — с другой» (Велтфис 1978: 213).

Иными словами, факты сами по себе *правдивы*, но, смонтированные по-новому, они перестают быть *истиной* (см. VI.1; ср.: Бердяев 1909). Это напоминает знаменитую любительскую ленту, запечатлевшую убийство Дж. Кеннеди, в которой два кадра были перемонтированы: казалось, что в момент выстрела президент на миг откинулся на сиденье в другую сторону, а значит, и стреляли в него не оттуда.

То же самое относится к эпохе, «когда разваливалось османское хозяйство от неудачных войн с Россией. Россия была единственная страна, которая побеждала турок, а австрийцев и итальянцев турки били, как хотели. Турция потеряла Крым и побережье Чёрного моря. Войны, которые стоили дорого, были неудачными. Османская империя постепенно стала разлагаться» (Гумилёв 1990: 227).

Такие ошибки (если только это — именно непреднамеренные ошибки) для востоковеда непростительны. Османское хозяйство начало разваливаться ещё с середины XVI в., когда зашла в тупик система тимаров (наделов за военную службу). Кризис Османской империи стал очевиден уже при Селиме II Пьянице (1566—1574). С победы испано-венцианского флота дона Хуана Австрийского при Лепанто (1571) начинается «эпоха остановки» (теваккуф деври) в османской истории. Австрия (государство, созданное в 1526 г. народами, объединившимися специально для совместной обороны от турок) выиграла войны 1592—1606, 1660—1664, 1683—1699 (когда она возглавляла Священную Лигу) и 1716—1718 гг., причём в последнюю из этих войн австрийцам (на сей раз воевавшим без союзников) достался даже Белград. Можно напомнить победы над турками Монтекукколи при Сентготхарде (1664), Евгения Савойского при Зенте (1697), Темешваре (1716) и Белграде (1717). С Карловицкого мира 1699 г. турки ведут отсчёт «риджат деври» — «эпохи отступления» Османской империи. И вот это-то называется, что «австрийцев <...> турки били, как хотели»?

Уже в конце XVII в., несмотря на кратковременный ренессанс при везирах из рода Кёпрюлю, европейские дипломаты, посещавшие Османскую империю, отмечали жуткий хаос в управлении, практическую независимость местных правителей и тотальный произвол, резко контрастировавший со временами Мехмеда II Завоевателя (1451—1481) и Сулеймана Законодателя (1520—1566). Только в этот период в войны с Турцией всерьёз включается Россия. В войне Священной Лиги (1683—1699) её участие ограничилось осадой Азова, взятого со второй попытки и вскоре снова потерянного. Прутский поход 1711 г. кончился поражением Петра — в то время как австрийцы через семь лет заняли Сербию. Лишь с войны

1735—1739 гг. поднимающаяся Россия и начинающая слабеть Австрия поменялись ролями. Но даже после этого утверждать, будто «Россия была единственная страна, которая побеждала турок», было бы сложно. А Наполеон, поражение которого в Египте обеспечила не турецкая армия, а английская морская блокада? А Мухаммед Али, едва не создавший в 1830-х годах египетскую империю на месте Османской? А частые войны с Ираном, шедшие с переменным успехом?

И вот этого всего не знал специалист-востоковед? Это невозможно. Но в данном случае факты ни при чём: «Россия была единственная страна, которая побеждала турок» — это стереотип потёмкинских времён. А ведь именно опора на стереотипы, на «типичные виды понимания <...> единообразные и регулярно возникающие» (Юнг 1998: 336), через которые преломляются даже реальные факты, — главный признак мифологического мышления.

Тот же стереотип замечен и в другом пассаже на ту же тему: «Так, по А. Тойнби, Австрия потому перегнала в развитии Баварию и Баден, что на неё напали турки. Однако турки напали сначала на Болгарию, Сербию и Венгрию, и те ответили на вызов капитуляцией, а Австрию отстояли гусары Яна Собесского (кстати, Собесского, Sobieski, через одно «с» — Л. М.). Пример говорит не в пользу концепции, а против неё» (Гумилёв 1997: 189). Цитируя этот пассаж, В. И. Уколова в сочувственном предисловии к русскому изданию книги А. Дж. Тойнби⁷³ лишь констатирует: «Согласимся, что небрежность, с которой Тойнби иллюстрирует Вызовы и Ответы на конкретной исторической почве, может дать повод для иронии» (Тойнби 1991: 10). Однако В. И. Уколова, специалист по средневековью, могла бы и просто сверить факты. Перечитаем ещё раз процитированную фразу: «турки напали сначала» на балканские страны в 1352 г., когда они захватили первую крепость на европейском берегу Дарданелл, «а Австрию отстояли гусары Яна Собесского» в 1683 г. А что же было в течение этих 330 лет? Ни одна страна не «ответила на вызов капитуляцией» без боя. Болгария, расколотая на три мелких государства, сопротивлялась до 1396 г., Сербия, несмотря на Косовскую катастрофу, — около ста лет. Венгрия до 1526 г. была щитом католической Европы, одни только бои за Белград при Яноше Хуньяди составили целую эпоху, да и после разгрома венгров при Мохаче турки так никогда и не смогли полностью аннексировать Трансильванию. С 1527 г. роль заслона переходит к Австрии, и та с этой ролью справляется успешно. Австро-турецкая война, в которой Яну Собесскому пришлось спасать Вену, была уже *седьмой* по счёту за полтора века. У Гумилёва же фраза построена так, словно всё это случилось в один момент.

Заметим здесь же (хоть это и отступление), что старая Австрия у Л. Н. Гумилёва, как и у славянофилов, — явно не фаворит. Четыреста лет существования подчёркнуто наднациональной Дунайской монархии так же не вписываются в его концепцию, как и существование евреев. Австрийцы в масштабах империи никогда не считали себя единым этносом, но национальные и сепаратистские движения (кроме разве что венгерских) вплоть до 1848 года были на удивление вялыми. Если быть последовательным, Л. Н. Гумилёв должен был бы объявить Австрию химерой, очередным воплощением творчески бесплодной антисистемы: под это опре-

⁷³ Второе имя — Арнольд Джозеф Тойнби — упускать при ссылках нельзя, так как без него получается ссылка не на этого автора, а на его дядю — Арнольда Тойнби (Старшего), известного своими работами по истории викторианской Англии.

деление она вполне подпадает. Однако тогда как объяснить появление Моцарта, Гайдна, Шуберга, Штрауса, Кальмана, Бальмана, Менделя, Фрейда, Рильке, Кафки, короче — всей великой австрийской культуры, которая в таком своём виде могла сложиться только в такой стране?

Однако вернёмся к теме.

«Чингисхан, закончив в начале 1225 г. среднеазиатский поход, с освободившимися войсками напал на тангутов и осадил город Эцзин-ай (ныне развалины Хара-хото). Во время осады, в августе 1227 г., Чингисхан умер, но нойоны скрыли смерть хана, принудили город к сдаче и жестоко расправились с его населением» (Гумилёв 1970: 191; 1992 а: 144). — Эти события произошли при осаде тангутской столицы Синцинуфу, с 1205 г. — Чжунсин, ныне г. Инчуань в Нинся-Хуэйском районе КНР (Кычанов 1968: 257, 311, 313—314). Автор спутал его с Хара-хото — не слишком значительной крепостью на северной границе тангутского царства, прославившейся благодаря её открытию экспедицией П. К. Козлова. Хара-хото продолжал существовать и при династии Юань и запустел только после её падения. Кстати, в другом месте сам же Л. Н. Гумилёв (1997: 63) именно так эти события и излагает.

«Однако в Древнем Китае футуристическое⁷⁴ восприятие времени, проявившееся в Ш.в., привело народ к крестьянскому восстанию “жёлтых повязок”. Наряду с действительными классовыми противоречиями во время правления династии Младшей Хань (25—220) даосские учёные оказались вытесненными со всех постов государственной службы конфуцианцами и принуждены были добывать себе пропитание лечением болезней и предсказанием погоды» (Гумилёв 1997: 125). — Восстание «жёлтых повязок» было не в Ш, а во II в. н. э. (184 г.). Конфуцианство стало официальной философией империи ещё при Старшей Хань, точнее, при императоре У-ди, в 134 г. до н. э., после чего даосизм остался лишь формой свободомыслия или легальной фронды. Вряд ли «даосские учёные», занимавшие в то время какие-либо посты, дожили до 184 г. н. э. Или речь идёт о людях вроде Дунфан Шо, изысканного фаворита У-ди? Но не такие люди «принуждены были добывать себе пропитание лечением болезней и предсказанием погоды», тем более не они поднимали крестьянские армии. Да и вообще, даосизм никогда не был единой организацией, подобной католической или православной церкви.

Чрезвычайно смутно представлял себе Л. Н. Гумилёв историю Индии. Например, «южная Индия с трудом подчинялась новому раджпутскому режиму, но раджпуты всё-таки её завоевали и ввели там свою систему» (Гумилёв 1990: 66). Откуда такая информация, непонятно. Даже при самой могущественной раджпутской династии Гурджара-Пратихаров (ок. 730—1018) её владения никогда не простирались южнее Нармады. Что же касается необычайно прочной клановой структуры государств крайнего юга Индии, она сложилась ещё в древности, независимо от раджпутов, хоть и очень напоминает их социальную систему.

Сведения Гумилёва об обязанностях гуру по отношению к женщинам у вишнуитов и о том, что у шиваитов «категорически запрещалось соприкосновение с дамским полом» (Гумилёв 1990: 66), противоречит всему, что мы знаем об этих религиях. Как раз у кришнаитов (вариант вишнуизма) секс допускается только для

⁷⁴ Кстати, такое упоминание *футуризма* в устах сына двух крупнейших поэтов-акмеистов — это исторический анализ или продолжение спора между поэтическими течениями Серебряного века?

продолжения рода, зато у шиваитов были и оргии, и культ лингама (фаллоса). И, в конце концов, индуистский бог любви Кама — аватара (ипостась) Шивы.

Цыгане, по его мнению, происходят от неприкасаемых, «которым рискованно было оставаться на родине» (в Индии) после «раджпутской революции», покончившей с господством буддизма. Попали они в это положение как противники раджпудов (Гумилёв 1990: 65). Если так, если они пострадали именно за приверженность прежнему (буддийскому) режиму, — почему же они теперь не буддисты? Да и вообще, вопрос о происхождении ромов не может считаться решённым.

В европейской истории тоже немало новинок. «Например, Иоанн Лейденский сумел добиться в Мюнстере высокого накала страстей и неизбежно связанного с ним кровопролития, но современные баптисты — обыватели, и как таковые они в принятой нами классификации стоят ближе к обывателям — католикам, протестантам, атеистам, нежели к своим идейным и духовным предкам» (Гумилёв 1997: 126). — Иоанн Лейденский был не баптистом, а АНАбаптистом (секта Томаса Мюнцера), что далеко не одно и то же.

«... но если, скажем, у графа одно графство и пять человек детей, то один получал наследство, а остальные-то ничего не получали, и они назывались виконтами, т. е. второсортными графами» (Гумилёв 1990: 96). На самом деле виконт (*vice-comes*) — это наместник или представитель графа.

Заходит речь о римской истории, и выясняется, что в 69 г. н. э. Вителлий был разбит «своими боевыми товарищами, пришедшими из Сирии. Сирийцы победили, перебив своих ребят с Рейна...» (Гумилёв 1990: 210). В том году Рим взяли не сирийские, а дунайские легионы. Командующий VII Паннонским легионом Антоний Прим (назначенный на эту должность Гальбой) разработал блестящий план действий и разгромил вителлианцев под Кремоной (хотя их армия во много раз превосходила его силы по численности). Затем он взял Рим, подвергшийся грабежам и пожарам. Лишь после этого Веспасиан, действительно провозглашённый императором в Берите (Бейрут) сирийской армией, прибыл в уже покорённый Рим.

Заходит речь об Италии IX в.: северная половина подчинялась Карлу Великому, «другой половиной завладели византийские греки» (Гумилёв 1990: 86). Но византийский катепанат Италия включал лишь Апулию, Калабрию, Луканию, только восточный берег Сицилии и несколько кампанских портов. Лангобардские княжества во главе с Беневенто в него не входили и считались вассалами Каролингов. Это раздел далеко не пополам!

Неоправданное осовременение понятий заметно в упоминании французов в связи со Страсбургской клятвой (: 87), где на самом деле не упомянуты *никакие* национальности или племена, или в пассаже:

«Карл Великий получил своё название за огромное количество побед, которые он одержал. Но когда подсчитываешь все его победы, то приходишь к мысли, что ситуация более или менее постоянная: немцы побеждают немцев. И тогда побед очень много!» (Гумилёв 1990: 85).

Но само понятие «немцы» (самоназвание *Teutsche*) было искусственно создано лишь в XIV в., до этого не было даже представления об этническом единстве населения Германии. Тем более к нему не относятся франки и бургунды Франции и лангобарды Италии в эпоху Каролингов. Быть может, имеются в виду германцы вообще? Но это, во-первых, неоправданная натяжка, вроде называния армян, чеченцев,

осетин без разбору «кавказцами». А во-вторых, это именно кабинетная реконструкция, ведь сами германцы в раннем средневековье не отделяли себя чётко от остальных народов. Это видно, например, в «Песни о Хлёде» Старшей Эдды (строфа 1), в англосаксонской поэме «Видсид» (18—35, 57—70, 75—89; Древнеанглийская поэзия 1982: 14—21) и даже в порождённой уже культурой Высокого Средневековья «Песни о Нибелунгах» (XXII, 1343—1347): везде германские и негерманские племена и правители перечисляются вперемешку. На это ещё в начале XX в обращал внимание крупнейший германист А. Хойслер (1960: 355—356), отмечавший полное отсутствие у германцев того времени всяких представлений о «геополитическом» мышлении, заметном у Л. Н. Гумилёва:

«Через героическую поэзию других народов красной нитью проходит борьба народа против национального врага: французов против сарацин, сербов против турок, Ирана против Турана. Германские сказания не знают национального врага <...>. Это — распри между королевскими династиями, но отнюдь не между народами. Вражда между датчанами и хадабардами, между хокингами и фризами, между бургундами и гуннами, между тюрингами и франками имеет характер семейной распри, которая обосновывается только тем, что враждующие короли связаны отношениями свойства» (Хойслер 1960: 351, подчеркнуто мной — Л. М.). И далее: «С полным правом отмечалось как нечто характерное, что Византия и Рим оставили в германских героических сказаниях лишь несколько неясных мест <...>; эпос, для которого существуют лишь столкновения человеческих судеб, а не мировые конфликты, мог упустить из виду борьбу с Римской империей» (Хойслер 1960: 359).

Как комментировал первое из этих высказываний В. М. Жирмунский, такой взгляд происходил из-за более архаического характера германского эпоса, ещё племенного, по сравнению с остальными перечисленными (Хойслер 1960: 32). А ведь сюжет германского эпоса — гибель Германариха в 375 г. и первого бургундского королевства в 437 г. — разворачивается на фоне грандиозной картины гибели Римской империи и Великого переселения народов! И в этих условиях авторы эпоса вообще не мыслили этническими категориями: им важны были только отношения в королевских семьях! На таком фоне не могло сложиться представление, что покорённые Карлом Великим саксы или лангобарды состоят в более близком родстве с его франками, чем авары (разгромленные тем же Карлом) или арабы Испании.

Об этногенезе румын (Гумилёв 1990: 217—218) сказано очень поверхностно, в основном по версии Энея Сильвия Пикколомини (папы Пия II), с которой спорил ещё Д. Кантемир (1973: 139). Вообще эта сложная проблема решена столь же походя, как А. И. Солженицын разобрался с Молдавией в знаменитом эссе «Как нам обустроить Россию»: «Да и Молдавия пусть уходит, если её к Румынии тянет!» — даже без выяснения, тянет ли туда всю Молдавию или только десяток демагогов, которые потом «румынизировались» и без объединения — просто уехав в Бухарест.

Неверно считать, что «последних византийцев» в Османской империи истребили во время погромов 1821 г. (Гумилёв 1990: 231). На самом деле греки-фанариоты оставались в Стамбуле и сто лет спустя, получив изъятие даже из условий греко-турецкого обмена населением 1922 г. Их исчезновение приходится уже на последние 50—60 лет. Гумилёв, вероятно, спутал две разные вещи: прекращение фанариотского управления в Дунайских княжествах (1821 г.) и Стамбульский погром 1955 г., после которого остатки греков, ещё живших в городе, начали активно покидать Турцию.

После этого нет нужды рассматривать взгляды Л. Н. Гумилёва на историю Древней Руси. Это уже сделано специалистами и в древнерусской истории, и в методологии исторических наук (Рыбаков 1971; Лурье 1990; 1994; Клейн 1992; и мн. др.). Добавим лишь, что в отрицании монголо-татарского ига на Руси, в учении о благотворности «симбиоза» Руси с Ордой Гумилёв был не первым. И здесь у него, оказывается, был предшественник — причём фигура немногим привлекательнее Розенберга:

«В направленной против Карамзина статье “Судьба России” есть кое-что общее с позднейшим славянофильством. Полемизируя с историком, скорбевшим о периоде владычества татар, как остановившем развитие России, Магницкий говорит: “Философия о Христе не тоскует о том, что был татарский период, удаливший Россию от Европы. Она радуется тому, ибо видит, что угнетатели её, татары, были спасителями её от Европы” (курсив подлинника). “Угнетение татар и удаление от Западной Европы были, может быть, величайшим благодеянием для России, ибо сохранили в ней чистоту веры Христовой”... “Чтобы превзойти Европу, Россия, вместо сближения с Европой, удалялась от неё”... Переходя к реформам Петра, Магницкий заявляет, что “сближение с Европой нужно было совсем не для неё (России), как обыкновенно думают, а для самой Европы”, которую Россия должна была обновить и очистить» (Карцов 1896: 329).

Да, это тот самый Михаил Леонтьевич Магницкий, которого ещё полвека спустя Салтыков-Щедрин называл «Мерзичким», который довёл до развала Казанский университет (предлагал даже «торжественно разрушить самое здание университета» — там же: 328), травил Лобачевского и других талантливых профессоров, при этом растратил громадные суммы казённых денег и кончил своё попечительство в Казанском учебном округе тем, что сам Николай I в 1826 г. отставил его со скандалом (там же)⁷⁵. Рядом с Розенбергом этот обскурант и мистик, конечно, смотрится органично, но кто и когда считал его крупным теоретиком? И если Гумилёв поставил себе действительно благородную цель — заставить публику увидеть в кочевниках не «варваров, дикое скопище пьяниц», а *людей*, своеобразной культуре которых оседлые соседи (а затем и покорители) действительно многим обязаны, — если он видел свою заслугу, равную заслугам Г. Шлимана, Р. Кольдевея и Г. Картера, в том, что «оспорен односторонний взгляд на монголов» (Гумилёв 1977: 262), то неужели не было способа сделать это иначе? Защитить истину, не уничтожая её, не превращая в фарсовое действо? Кстати, монгольским историкам (по крайней мере, в то время) его труды, похоже, вовсе не показались бальзамом на душу. Ни в капитальной монографии Чулууны Далая «*Монголия в XIII—XIV вв.*» (1983), посвящённой эпохе Юань, ни в «*Истории Монгольской Народной Республики*» (1983), под-

⁷⁵ Стоит привести небольшое замечание по поводу связи рассматриваемых в этой работе мифов с психологией аристократии. Князь П. А. Вяземский, встречавшийся с Магницким в последние годы его жизни, составил о нём такое впечатление: «Какие бы ни были политические замыслы его, наружность и обращение его постоянно носили отпечаток аристократический, свойственный всем благовоспитанным людям того времени. <...> Во время первой силы его говорили, что при разговоре о вельможах Екатерининских времён сказал он: “В наше время вельмож нет и быть не может. Вельможа разве один я”. Однако, при всей высокой оценке вкуса и манер Магницкого, у князя сложилось «впечатление, что в нём не было основы государственного человека» (Вяземский 1874: 183, 186).

готовленной совместными усилиями АН СССР и АН МНР, ссылок на концепцию Л. Н. Гумилёва нет.

Заметим по ходу дела, что были у Гумилёва в этом отношении и другие предшественники. В 1876 г. в Лондоне вышел первый том труда Г. Хоуэрта «*History of the Mongols from the Ninth to the Nineteenth Century by Henry Howorth*». Рецензент «Русского Архива», отмечая, что этот почти 800-страничный том — «едва ли не первая попытка цельной и полной истории Монгольского племени», в то же время писал:

«Г. Говорт выражает странный взгляд на монгольские завоевания: он идеализирует их, идеализирует в особенности Чингис-Хана, которого выставляет великим государственным деятелем и законодателем, хотя по его же расчёту число жертв, загубленных опустошительными завоеваниями Чингис-Хана, простирается до 18 миллионов. Вся эта кровь и всё это разорение, по теории автора, были необходимы для обновления одряхлевшего мира: за ними последовал период возрождения и великих открытий (книгопечатание, компас и пр.), которые, по мнению автора, занесены были в Европу монгольским влиянием с дальнего Востока» (Русский Архив. 1877. Кн. I. Вып. 3. С. 423—424).

Как видим, «односторонний взгляд на монголов» оспаривался и до Гумилёва: Магницким — с теоретических и философских позиций, Хоуэртом — на солидном историческом материале.

Итак, к сообщаемым Гумилёвым фактам вполне подходит античная заповедь, которую Э. Бикерман рекомендовал всем историкам, имеющим дело с хронологией древнего мира: «*Caveat emptor*» — «Пусть остерегается покупающий».

IV.1.4. Г. Вирт

Не приходится и говорить, что в своём виртуальном хозяйстве (*virtuelle Wirtschaft*) Г. Вирт переворачивает с ног на голову все существующие представления. Начать с того, что, по его мнению, отделение людей от других приматов началось в эоцене (Steuckers 2007) — то есть примерно 58—37 млн. лет назад, когда даже австралопитеков ещё не было на свете. Хорошо, допустим. Допустим, что для Г. Вирта миф (и даже его единственная запись — в семейной хронике сомнительного происхождения) важнее научных данных.

Однако и сам Вирт, и его последователи настаивают, что его гипотетическая суша на Доггер-банке и есть Атлантида. Учтём даже, что затонувшие *города* (что для древности тождественно с *государством*) действительно существуют — иначе не было бы подводной археологии. Да и колебания уровня моря в историческую эпоху хорошо зафиксированы. Но ведь Атлантида известна со времён Платона и по его рассказу (в диалогах «*Тимей*» и «*Критий*»). Где же у Вирта *эта* Атлантида?

Где конфедерация десяти царств и ночные совещания царей (Критий 119c-120b)? Где культура бронзового века? Где подробное описание прямоугольного острова, окаймлённого с трёх сторон горными цепями? Где громадный город с круговой планировкой? Где система каналов, прорезающая весь остров с геометрической правильностью (Критий 118d-e)? Где миллионная армия и военный флот в 12 тысяч кораблей, обрушивающиеся на Средиземноморье, но терпящие поражение от жалкой (20 тысяч) кучки афинян? Где, наконец, моральный урок Платона — наказание атлантов потопом за «жалкую развращённость», в которую они впади (Критий 121c)? А если всего этого нет — почему *это* считается Атлантидой?